

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
ГЛАВА 1	
Молли	11
ГЛАВА 2	
Голошей, Черная Голова и Порченная Нога	27
ГЛАВА 3	
Кристофер Хогвуд	47
ГЛАВА 4	
Кларабелль	63
ГЛАВА 5	
Рождественский горностаи	79
ГЛАВА 6	
Тэсс	89
ГЛАВА 7	
Крис и Тэсс II	101

ГЛАВА 8	
Салли	117
ГЛАВА 9	
Октавия	133
ГЛАВА 10	
Тёрбер	151
Для дополнительного чтения	177
Благодарности	183

ВСТУПЛЕНИЕ

Для того чтобы писать свои книги, я много езжу по миру. Мне довелось поработать в группе ученых, которые метили древесных кенгуру ошейниками с радиопередатчиком в тропическом лесу Папуа — Новой Гвинеи; я искала следы снежных барсов на Монгольском Алтае; плавала с пираньями и электрическими угрями в Амазонке ради книги о розовых дельфинах. И во время всех этих поездок не раз вспоминала высказывание, которое звучит для меня обещанием: «Когда ученик готов, учитель появится». Мне очень повезло с замечательными преподавателями, прежде всего с мистером Кларксоном, который учил меня журналистике. Но главными моими учителями всегда были животные.

Чему они научили меня? Тому, как быть лучше.

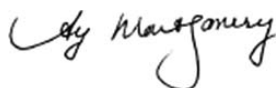
Все животные, которых я знала, — от того первого жука, за которым я наблюдала в детстве, до гималайских медведей, которых видела в Юго-Восточной Азии, и пятнистых гиен, с которыми познакомилась в Кении, — были удивительными созданиями. Каждое из них по-своему замечательно и совершенно. Просто находиться рядом

с любым животным — это уже урок, потому что все они умеют что-то, чего не могут люди. Паук пробует все на вкус лапками. Птицы видят цвета, которых мы даже не можем описать. Сверчок поет надкрыльями и слушает «коленками». Собака слышит то, чего не улавливает человеческое ухо, и замечает, что вы расстроены, даже прежде, чем вы сами это осознаете.

Общение с созданиями, принадлежащими к другим видам, удивительным образом обогащает душу. На этих страницах вы встретите животных, которые изменили мою жизнь за одну короткую встречу. Познакомьтесь и с теми, кто стал членами моей семьи. Среди них — собаки, которые делили с нами кров, свинья, которая жила у нас в хлеву, три огромные нелетающие птицы, пара древесных кенгуру, а также паук, горностаи и осьминог.

Я все еще учусь быть лучше. Я честно стараюсь, но зачастую у меня не получается. Однако для этого у меня есть вся моя жизнь — замечательная жизнь исследователя нашего прекрасного мира — и радость возвращения домой, где моя удивительная многовидовая семья дарит мне поддержку и счастье, о каких я не могла и мечтать. Я часто думаю о том, что хорошо было бы совершить путешествие во времени, чтобы встретиться с самой собой, молодой и полной сомнений и тревог, и сказать себе, что мои мечты не напрасны, а невзгоды преходящи. К сожалению, это невозможно, но зато я могу сделать кое-что другое. Я могу рассказать вам, что вас окружают учителя, которые помогут вам: на четырех ногах, на двух или даже на восьми, позвоночные и беспозвоночные. Все, что вам нужно, — это воспринять их как учителей и быть готовыми услышать их.

Сай Монтгомери

Молли

Обычно если я была не в школе, то мы были вместе. И в этот раз мы с Молли — нашим скотчтерьером — несли дежурство на наблюдательном посту на широкой, идеально подстриженной лужайке перед генеральским домом в 225-м квартале Форта Гамильтон в нью-йоркском Бруклине. Хотя на самом деле наблюдение вела Молли, а я наблюдала за ней. К несчастью для терьера, выведенного для охоты на лис и барсуков, отыскать какую-либо добычу на военной базе крайне маловероятно. Каждый квадратный сантиметр там был вылизан, дикие животные на территорию не допускались. Тем не менее Молли иногда все-таки высматривала белку, за которой можно было погнаться. А поскольку дом, хотя мы в нем жили, принадлежал не нам, а армии США и мы не могли окружить его забором, Молли стали сажать на цепь, прикрепленную к колышку, врытому глубоко в землю. Я наблюдала за тем, как она изучает территорию, втягивая воздух своим мокрым черным носом и поворачивая в разные стороны

острые ушки, и мечтала так же, как она, слышать и осязать присутствие где-то вдалеке других живых существ.

И вдруг она улетела, словно мохнатое пушечное ядро.

В мгновение ока Молли вырвала из земли полуметровый колышек и потащила его за собой вместе с цепью, неистово рыча от радости, через тисовые кусты, растущие перед одноэтажным кирпичным домом. Я попыталась разглядеть, за кем она гонится: кролик!

Я вскочила на ноги. Ни разу прежде я не видела дикого кролика. В Форте Гамильтон никто никогда ни о каких диких кроликах не слышал! Мне хотелось увидеть его вблизи. Но Молли гнала кролика вокруг дома, и я, второклассница на двух слабых ногах, обутой в лакированные туфли «Мэри Джейн», не могла бежать с такой же скоростью, с какой несли ее четыре когтистые лапы взрослой собаки.

На яростный лай скотчтерьера невозможно не обратить внимания. Вскоре из дома вышли мама и солдат — один из тех, что должны были следить за чистотой в доме генерала. Лес ног вырос вокруг меня: взрослые зигзагами гнались за нашим разъяренным терьером. Но, конечно, поймать Молли было невозможно. К этому моменту она уже освободилась от цепи, и колышек больше не мешал ей. Ее было не остановить. Удастся ей поймать кролика или нет, в ближайшее время, возможно до самой темноты, она не вернется. Домой Молли придет только тогда, когда сочтет нужным, и коротким лаем даст знать, что пора открыть ей дверь.

Когда я бежала за ней следом, то не для того, чтобы остановить ее. Я рвалась пойти с ней. Я хотела еще раз увидеть кролика. Вдыхать вечерние запахи. Встречать других собак, драться с ними и бегать за ними, засовывать

нос в норы, вынюхивать, кто там живет, и находить сокровища, зарытые в мусоре.

Многие девочки боготворят старших сестер. Я не была исключением, но моей старшей сестрой оказалась собака. И стоя, беспомощная, в платье с оборками и ажурных носках, в которые меня одела мама, я мечтала быть такой же, как Молли, — свирепой, дикой, неудержимой.

Мама говорила, что я никогда не была «нормальным» ребенком. В доказательство она вспоминала тот день, когда они с папой впервые повели меня в зоопарк. Я тогда только начала ходить и, вырвавшись из рук родителей, двинулась к избранной цели: в загон к самым крупным и опасным животным, которые там обитали. Бегемоты отнеслись ко мне благосклонно и не стали раскусывать меня пополам или наступать на меня, хотя могли бы. Родителям удалось каким-то образом вытащить меня из загона целой и невредимой. Однако мама так никогда и не оправилась полностью после этого происшествия.

Меня всегда тянуло к животным — куда больше, чем к другим детям, или взрослым, или куклам. Я предпочитала наблюдать за двумя моими золотыми рыбками, Голди и Блэки, или играть с моей любимой, но невезучей черепахой, Мисс Желтые Глазки. (Моя мать была южанкой, и задолго до воцарения феминизма я переняла у нее южную привычку даровать всем женщинам почетный титул «мисс».) Как и большинство домашних черепах в 1950-е, Мисс Желтые Глазки страдала

от неправильного питания и погибла от размягчения панциря. Чтобы утешить меня, мама вручила мне куклу, но я не стала в нее играть. А когда отец вернулся из поездки по Южной Америке и привез мне чучело детеныша каймана — разновидности крокодила, я одела его в кукольную одежду и стала катать в игрушечной коляске.

Единственный ребенок, я никогда не мечтала о братике или сестричке. Мне не нужны были другие дети. Большинство из них были шумными и буйными. Они не могли спокойно стоять на одном месте и наблюдать за шмелем. Они носились и распугивали голубей, разгуливающих по тротуару.

Взрослые, за редким исключением, тоже не представляли особого интереса. Я безучастно взирала на родителей знакомых, которых видела до этого много раз, не в силах вспомнить, кто это такие, пока мама или папа не напоминали мне, какое домашнее животное они держат. (Например: «Это хозяйева Бренди». Бренди, кобель рыжей длинношерстной карликовой таксы, обожал валяться со мной в кровати, пока взрослые, уложив меня спать, наслаждались вечеринкой. Но я не помню, ни как звали его хозяев, ни как они выглядели.) Одним из немногих людей без домашних питомцев, кого я тем не менее привечала, был мой «дядя» Джек — на самом деле никакой не дядя, а командир полка, друг отца, который рисовал для меня пегих пони. Пока они с отцом играли в шахматы, я старательно раскрашивала пятна.

Научившись разговаривать достаточно хорошо, чтобы обсуждать такие вопросы, я сообщила родителям, что на самом деле я лошадка. Я галопировала вокруг дома, ржала и мотала головой. Папа согласился называть меня

Пони. Но моя элегантная и честолюбивая мать, желавшая, чтобы у ее маленькой девочки хватало здравомыслия притворяться принцессой или феей, была обеспокоена. Она опасалась, что я «отстаю в развитии».

Военный врач успокоил ее, заверив, что стадия пони у меня пройдет. Так и случилось, потому что я решила, что на самом деле я — собака.

С моей точки зрения, проблема была только в одном: родители и их друзья с готовностью рассказывали мне, как должна вести себя маленькая девочка, но некому было показать мне, как должна себя вести собака. Однако, когда мне исполнилась три, мечта моей маленькой жизни сбылась: у нас появилась Молли.

На сайтах, посвященных породе, о щенках шотландского терьера пишут, что они «активные и смелые», а также «энергичные и своенравные». Характерные для скотчей упорство и независимость проявляются едва ли не с первых дней жизни. Это древняя порода, выведенная шотландцами для защиты домашнего скота от хищников. Скотчи — низкорослые черные собаки — настоящие воины-горцы. Они достаточно сильны и храбры, чтобы справляться с лисами и барсуками, и достаточно смышлены, чтобы действовать самостоятельно, без команд хозяина, и умудряться перехитрить злоумышленников. При росте в холке меньше 30 сантиметров и весе всего около 9 килограммов, скотчи «обладают компактностью маленькой собаки и отвагой большой» — так охарактеризовала их писательница

и критик Дороти Паркер. По ее словам, «они отличаются такой исключительной стойкостью, что единственное, что может dokonать их, — это если их переедет автомобиль, но только и ему тоже достанется». Щенок скотчтерьера похож на двухлетнего малыша-дьяволенка, сидящего на стероидах и наделенного сверхъестественной несокрушимостью.

Неудивительно, что, хотя мы росли вместе, упорная и смелая маленькая Молли была моей полной противоположностью.

Когда мне исполнилось два года и наша семья вернулась в Штаты из Германии, где я родилась, со мной что-то произошло. В Германии у меня была няня, а теперь я целиком и полностью перешла на попечение мамы. Позже мама рассказывала мне, что в раннем детстве я переболела мононуклеозом, которым обычно заражаются в более старшем возрасте. Но моя тетя, папина сестра, считала, что это неправда, и много лет спустя я не нашла в своих медицинских картах никаких записей о таком диагнозе. Тетя была уверена, что меня в детстве придушили, или как следует тряхнули, или и то и другое вместе, и, возможно, не один раз. Во всяком случае, я много плакала. И даже через много лет, когда я уже была подростком, мать продолжала жаловаться друзьям на то, что мой плач частенько прерывал ее коктейльный час. Вечерний прием мартини был для нее лучшим временем дня. Очевидно, коктейли скрашивали ее одиночество, когда рядом не было никого, кроме рыдающего ребенка.

Как бы то ни было, я очень долго не играла и не разговаривала. И не хотела есть. Мне уже исполнилось три, а я совсем не росла.

Мое состояние огорчало обоих родителей. Мама купила глубокую тарелку, на дне которой были нарисованы

животные: я доедала кашу ради того, чтобы увидеть их. Еще она делала мне тосты в виде животных, вырезая хлеб формочками для печенья, а папа пытался соблазнить меня молочными коктейлями, в которые тайком подмешивал сырое яйцо. Видимо, вконец отчаявшись, ради того, чтобы поправить мое слабое здоровье, они и решили завести щенка.

В наши дни инструкторы по дрессировке собак и специалисты по воспитанию детей сказали бы, что это плохая идея. Кинологи считают, что скотчи — прекрасные собаки, но совершенно не годятся для малышей. Если ребенок наступит такой собаке на лапу или схватит ее за хвост, она терпеть не станет. Скотчтерьеры кусаются, а зубы у них большие, как у эрделей. Они исключительно преданные животные, но в то же время среди терьеров слывут самыми свирепыми. И сегодня большинство специалистов уверены, что собак даже самых послушных и терпеливых пород можно брать в семью, когда детям исполнится шесть-семь лет.

Но тогда никто ничего этого не знал — и вот эффектная эмигрантка с Кубы, которую я знала как тетю Грейс, подарила нам одного из своих трех породистых щенков.

На самом деле тетя Грейс не была моей тетей, а ее муж, которого я звала дядей Клайдом, не был моим дядей. Он был папиным лучшим другом, а тетя Грейс — маминой соперницей. Она укладывала свои длинные, черные как смоль волосы в замысловатые прически, ходила в сшитых на заказ платьях с глубокими вырезами и большими разрезами, носила высокие каблуки, подводила глаза черным и красила губы алой помадой. Моя мать считала ее задавакой.

— Как думаешь, какого цвета платье тетя Грейс надела к ветеринару, когда повезла щенков на прививки? — как-то спросила она меня.

— Черное? — предположила я. Лично я предпочла бы выглядеть, как все остальные члены семьи.

— Нет! — ответила мама. — Белое!

В комплекте с черными щенками белое смотрелось эффектнее.

Вскоре после того визита щенков к ветеринару Молли переехала жить к нам. И хотя этот день перевернул мою жизнь, я — из-за болезни или потому, что была слишком мала, — совершенно его не помню.

Однако эффект не замедлил сказаться.

Вскоре после того, как у нас появилась Молли, родители сделали черно-белую фотографию, где мы запечатлены с ней вместе. Это фото мать позже, за два месяца до того, как мне исполнилось четыре, разослала в качестве поздравительных открыток на Рождество. Судя по моим коротким пышным рукавчикам, на дворе лето, но у камина висят рождественские чулки, а рядом со мной на каменном полу стоит заводной Санта-Клаус, готовый зазвонить в медный колокольчик. Как и все мамы рождественские фото, это было хорошо подготовленным экспромтом. Но ликующее выражение на моем лице и на морде Молли совершенно неподдельное.

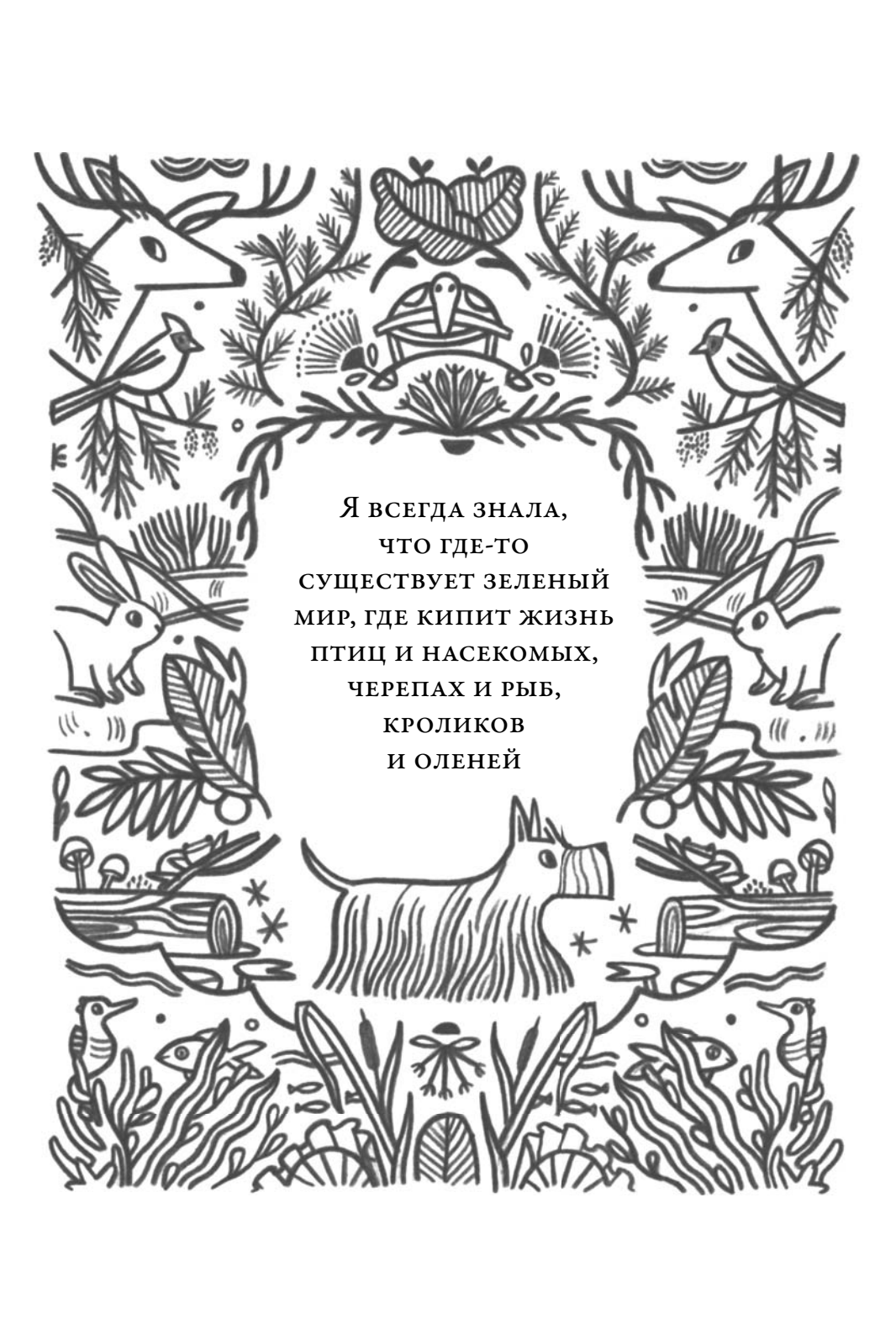
«Молли схватила папин носок!»

Как и большинство щенков, Молли обожала что-нибудь стащить, и особенно ей нравились папины черные носки, которые он надевал с генеральской формой. Когда Молли крала их, я, вовсе не для того, чтобы сдать

ее, с энтузиазмом объявляла домочадцам о предстоящем зрелище. Эти представления всегда забавляли отца, любившего собак. Вытащив носок из его обычного места в корзине в спальне или из ботинка, где тот прятался, Молли, свирепо рыча, неслась с ним в гостиную, а там начинала трясти его с неукротимой восторженной яростью. Отнять носок было невозможно, пока Молли не уверялась в том, что свернула ему шею.

Щенком Молли не грызла вещи. Она их загрызала. Конечно, ей нравилось грызть косточки, но на отцовские носки она нападала не за этим. Я не помню, чтобы хоть одно животное стало ее жертвой, но она любила представлять предметы живыми и делать вид, будто убивает их.

Она любила загрызать мячики. Причем маленькие ее не интересовали. С бешеной энергией она преследовала большие, наполненные воздухом мячи, коварно скачущие прочь, догоняла и побеждала их. Рано утром я водила ее на поводке к теннисным кортам, пока там никого не было, чтобы побросать ей очередной такой мяч. Там я наблюдала, как она, с глубоким горловым рыком, эхом отдающимся в моей груди, несется по корту, а мяч изо всех сил пытается убежать. Но она всегда загоняла его в угол и прокалывала ему легкие своими длинными белыми клыками, после чего мяч сдувался, и она могла схватить его сильными челюстями и мотать им так, чтобы вытрясти из него всю душу. Когда же с ним было покончено, она разрешала мне поднять его и осмотреть. Мяч выглядел так, будто по нему били ножом для колки льда. И такое сделала маленькая собака! Это впечатляло: в моих глазах Молли была могучим созданием, заслуживающим глубокого уважения.

Я ВСЕГДА ЗНАЛА,
ЧТО ГДЕ-ТО
СУЩЕСТВУЕТ ЗЕЛЕНЫЙ
МИР, ГДЕ КИПИТ ЖИЗНЬ
ПТИЦ И НАСЕКОМЫХ,
ЧЕРЕПАХ И РЫБ,
КРОЛИКОВ
И ОЛЕНЕЙ

Видимо, другие на военной базе тоже так считали. Когда Молли подросла, мы отказались от колышка и цепи, и она часто уходила в ночь одна. Жители базы познакомились с ней. Во время одной из своих ночных вылазок она посетила казармы Женского вспомогательного армейского корпуса. (До 1978 года женщины служили в армии отдельно от мужчин.) В тот вечер несколько женщин были снаружи, и на следующий день до нас дошли слухи, что, увидев Молли, пробегающую мимо, они выстроились в ряд, она обнюхала их и продолжила свой путь, а они отдали ей честь.

Эта история вполне могла быть выдумкой. А может, они отдали Молли честь только потому, что она была генеральской собакой. Но могло быть и так, что эти сильные и храбрые женщины увидели и оценили независимость и мужество маленькой собаки. В давние времена другой генерал тоже признавал это качество в своих скотчах. В XVII веке у командующего шотландской армией генерал-майора Джорджа Дугласа, графа Дамбартона, была целая свора скотчтерьеров, которых он прозвал «неукротимыми». Эти терьеры вдохновили его на то, чтобы назвать в честь них свой любимый полк королевских шотландцев: «Неукротимые Дамбартона».

В полной мере обладая свойственной скотчтерьерам уверенностью в себе, Молли не нуждалась в том, чтобы люди говорили ей, что делать. И когда вечером мы звали ее домой, она не приходила. В конце концов мои родители стали просто включать и выключать фонарь на крыльце, чтобы просигнализировать ей, что мы хотели бы, чтобы она вернулась домой. Это был просто совет — так отец относился и к светофорам (красный свет он называл «всего лишь советом»). Молли приходила, когда считала нужным.

Это меня несколько не тревожило. Я и не рассчитывала на то, что она будет подчиняться мне. С чего бы? Когда мне исполнилось пять, ей было всего два — но она была уже взрослой. Я не просто считала, что она главнее меня, — я стремилась подражать ей. Я даже не понимала, что мой взгляд на наши отношения не одобряется другими людьми, — до тех пор, пока моя мать не решила усмирить нас обеих.

Те самые качества, которые превращают скотчей в совершенно особенных собак, — их независимость и упорство — делают их и трудно дрессируемыми. На сайте одного инструктора по дрессировке написано, что знаменитое упрямство и самоуверенность скотчтерьеров «заставляют их думать, что слушаться хозяина не обязательно».

Тем не менее, в то время как наша Молли гуляла где хотела и рвала в клочья одежду и игрушки, моя гламурная тетя Грейс ухитрилась научить своих скотчей читать молитву и играть на фортепьяно.

Она купила маленькое черное детское пианино, похожее на то, на котором в «Мелочи пузатой»^{*} играет Шредер. Позвав Мака, брата Молли, в гостиную, тетя Грейс отдавала команду: «Поиграй на пианино!» Пес садился перед инструментом и нажимал на клавиши попеременно то одной, то другой лапой. Мне в то время тоже давали уроки фортепьяно, и меня поразило то, что Мак научился играть двумя «руками» раньше, чем я.

В другой раз тетя Грейс удивила гостей благочестивостью своих скотчей. Она устроила для них стол, которым

* «Мелочь пузатая» (англ. Peanuts) — американский комикс, выходявший с 1950 по 2000 год, и одноименный мультсериал, который начал выходить в 1965 году. — *Прим. пер.*

служила большая скамейка для ног, обитая голубой материей. На ней лежали две подобранные по цвету синие салфетки. Тетя Грейс держала в руках блестящие алюминиевые миски с едой, а Мак и его мать Джинни чинно сидели бок о бок. Тетя Грейс ставила миски на «стол». «Помолитесь!» — командовала она, и собаки клали лапы на край «стола» перед собой и утыкались в них носами. В такой позе они оставались до тех пор, пока тетя Грейс не разрешала им приступить к еде.

Это впечатляло, а производить впечатление на знакомых в армейском высшем обществе было важно. Моя мама не умела дрессировать собак, хотя в детстве в Арканзасе у нее был любимый метис бигля по имени Флип, которого потом сбила машина. Но она была опытной портнихой и решила все-таки превзойти свою гламурную соперницу. Пусть наша собака не могла вести себя как человек, но она могла по-человечески одеваться!

Жесткая шерсть скотчтерьеров защищает их от любой непогоды, но мама начала шить Молли маленькие пальто. На разные сезоны — летние и зимние. В данном случае отлично подошла бы клетчатая ткань «шотландка», но мама предпочла пастельные тона: все-таки Молли, на ее взгляд, должна была одеваться соответственно полу. Затем она переключилась на мебель для Молли. У Мака было пианино, и Молли нужно было не отстать от него. Мама купила кроватку и поставила ее между кухней и гостиной. Для этой кроватки она сшила покрывала, подушку и, конечно же, полог из красного атласа, украшенный оборками.

Мои платья тоже все сильнее обрастали оборками, поскольку мама со все большим рвением стремилась сделать меня хотя бы похожей на ту изящную девочку, о которой

она мечтала. В бруклинской частной школе девочкам не разрешалось носить брюки, и до пятого класса, пока мы не переехали и я не пошла в государственную школу, у меня не было джинсов. Мне строго-настрого запрещалось пачкать одежду, так что в детском саду я отказывалась заниматься пальчиковым рисованием даже в рабочем халате, о чем моя мама и много лет спустя рассказывала с нескрываемой гордостью.

На своей черной с золотом швейной машинке «Зингер» она шила мне одно нарядное платье за другим, зачастую из таких тканей, которые подошли бы и ей самой. Вершиной ее мастерства стал костюм, в котором в начальной школе я играла в спектакле Малютку Бопип, поскольку была ниже всех ростом. Весь бело-розовый, с кружевами, и дополненный расшитой шляпкой, костюм был так хорош, что, когда я вышла в нем на сцену, все ахнули.

Но если мама хотела видеть меня хорошенькой девочкой, то я предпочла бы быть собакой. Меня приводили в восторг суперспособности Молли. Она слышала, что отцовская машина приближается к дому, задолго до того, как та появлялась на подъездной дорожке. Она чуяла запах собачьих консервов, стоило маме достать банку из холодильника. И она могла видеть в темноте.

Я задавалась вопросом: могу ли я научиться всему тому, что делает она? Герои мультфильмов, которые показывали по телевизору, умели проходить сквозь стены, как Каспер — доброе привидение, и летали на ракетах, как Космический ангел. Но здесь существо, обладавшее сверхчеловеческими способностями, было прямо передо мной, и я поклялась стать ее последователем.

Всё в Молли было совершенно. Я жадно следила за каждым движением ее ушей, за каждым подергиванием кожаного носа. Ничто на ее теле не укрылось от моего восхищенного и внимательного взгляда.

Между мной и Молли помимо самых заметных различий было много и менее очевидных. Ее ноздри были вытянуты, как запятые. А мои — круглыми. Ее уши не просто шевелились, в отличие от моих, неподвижных, но внутри них еще были какие-то таинственные хрящики. Однако я решила, что все эти различия не непреодолимы. Возможно, я все-таки смогу стать такой, как она. Если бы мне только удалось разузнать ее собачьи секреты! Я помню, как часами лежала на полу, положив голову на руки, в нескольких сантиметрах от ее морды, наблюдая, как она спит, пытаюсь впитать ее запах, ее дыхание, увидеть ее сны.

В моих мечтах, которые я лелеяла годами, мы с Молли вместе убегали из дома. Мы жили бы в лесу. Лакали бы воду из прозрачных ручьев. Находили бы еду и прятались в дупле дерева. Все другие животные знали бы нас, а мы — их. Целыми днями мы наблюдали бы, обнюхивали, копали и исследовали. Она научила бы меня всему, что сама знала о мире — о настоящем мире, том, что за пределами военной базы, вдали от школы, от асфальта, кирпича и бетона. Рядом с ней я постигла бы все тайны диких животных.

Хоть мы и жили на военной базе, а потом в городе, я всегда знала, что где-то существует зеленый мир, где кипит жизнь птиц и насекомых, черепах и рыб, кроликов и оленей. Я знала о нем только из книг и телепередач вроде «Дикое царство» и «Подводная одиссея команды Кусто», но верила в его существование, потому

что Молли могла слышать и чувствовать его. И этот мир, мир, который я уже любила, просто находился за пределами моего человеческого восприятия. Пока. Но однажды, я знала, мы убежим и отправимся туда, в дикие места, где Молли, наконец, поделится со мной своим могуществом.

ГОЛОШЕЙ, ЧЕРНАЯ ГОЛОВА И ПОРЧЕНАЯ НОГА

Совершенно одна я сидела под порывами ветра на корточках среди колючего кустарника. И вдруг поняла, что неподалеку кто-то есть.

Мне было 26, прошло пять лет с тех пор, как я окончила университет, где изучала журналистику, французский язык и психологию, и вот теперь я находилась буквально за полсвета от дома — а последним моим домом был Нью-Джерси, где я работала репортером в ежедневной газете. Здесь, в австралийском буше, я собирала образцы растений для аспирантского исследования по ботанике. Кроме звука ножа, срезающего стебли, я слышала только ветер. Он дул среди низкого кустарника и мелкорослых эвкалиптов, которые называют малли. Вдруг что-то отвлекло меня от работы. Я подняла голову и увидела меньше чем

в пяти метрах трех гигантских птиц, каждая ростом с человека, шагающих по выжженной траве.

Это были эму — нелетающие птицы под два метра высотой и весом около 35 кг. Вместе с кенгуру они изображены на гербе Австралии как символ этого загадочного континента. Эму похожи отчасти на птиц, отчасти на животных и еще немного — на динозавров. Длинные и пушистые коричневые перья свисают с округлого туловища словно волосы. Голова, посаженная на черную шею, оснащена гусиным клювом. Слишком короткие крылья забавно торчат по бокам. Но зато на своих сильных, выгнутых назад ногах эму могут бежать со скоростью больше 60 км в час — и одним ударом ноги разорвать проволочную ограду или сломать кому-нибудь шею.

Неудивительно, что при виде них я замерла. Никогда раньше мне не приходилось оказываться так близко к крупному дикому животному, да еще совершенно одной, на другом континенте. Но я была не столько напугана, сколько потрясена. Застыв, я смотрела на них, зачарованная их грацией, силой и своеобразием. Я наблюдала, как они поднимают свои длинные чешуйчатые ноги, поджимая огромные, как у динозавров, пальцы, и затем плавно опускают их. С балетной грацией изгибая шеи, чтобы щипнуть травы, они прошествовали мимо меня и поднялись на склон холма. Наконец их похожие на стога сена тела слились с зимними, выцветшими круглыми кустами и исчезли из виду.

Когда они ушли, я почувствовала, что внутри меня что-то изменилось. Но я еще не понимала, что только что увидела проблеск своей будущей жизни за пределами проторенного пути. Тогда я не могла этого знать, но эти странные гигантские птицы даровали мне ту судьбу,

на которую вдохновляла Молли. И они стократ отплатили мне за первый поистине храбрый поступок, который мне пришлось совершить, оставив все, что я любила.

Когда я собралась уезжать, почти все решили, что я свихнулась. Мама была в ужасе, хотя папа уверял ее, что это наконец избавит меня от жажды странствий. Я уволилась с хорошо оплачиваемой работы, на которой прошла путь от начинающего репортера, освещавшего жизнь девяти крошечных городков, до журналиста, специализирующегося на новостях науки, окружающей среды и медицины, — и это в стране с массой экологических проблем и самым высоким в мире показателем количества ученых и инженеров на душу населения. Нередко мне приходилось работать по 14 часов в день, включая выходные, но мне и этого было мало. Мое усердие вознаграждалось признанием, повышениями и свободой. Окруженная талантливыми редакторами, умными коллегами и хорошими друзьями, я жила в маленьком доме в лесу с пятью хорьками, двумя попугаями-неразлучниками и любимым человеком — Говардом Мэнсфилдом, великолепным писателем, с которым познакомилась еще в университете. Я была счастлива.

А потом произошло то, что изменило мою жизнь. После того как я пять лет проработала в «Курьер-Ньюс», папа, который к тому времени вышел в отставку, но по-прежнему оставался в моих глазах героем, подарил мне билет на самолет в Австралию. Я всегда мечтала поехать

туда. Сформировавшиеся в изоляции, животные этого континента поражают воображение. Вместо антилоп или оленей, бегающих на четырех ногах, там прыгают на двух ногах кенгуру, прячущие своих детенышей в сумках на животе. Ехидны — покрытые иглами млекопитающие, откладывающие яйца, — ловят муравьев длинными клейкими языками. Утконосы — зверьки с хвостами как у бобра — защищаются от врагов с помощью ядовитых шпор, расположенных на перепончатых лапах.

Но мне хотелось не просто увидеть этих удивительных животных. Я стремилась исследовать их и по возможности сделать для них что-то полезное. Поэтому я нашла организацию, которая направляла волонтеров для участия в научных и природоохранных проектах по всему миру. Эта некоммерческая организация, базирующаяся в Массачусетсе, предлагала научные экспедиции «для горожан», ориентированные на график работающего человека. Каждая длилась всего несколько недель. Я записалась на проект в южной Австралии, в ходе которого должна была помогать доктору Памеле Паркер, биологу из чикагского зоопарка Брукфилда, изучать находящегося под угрозой исчезновения волосатоносого вомбата в заповеднике Брукфилда, в двух часах езды от города Аделаида.

Вомбатов мы видели редко. Похожие на коал, но живущие в норах, а не на деревьях, эти звери пугливы и большую часть времени проводят в разветвленных туннелях, прорытых в твердой как камень почве. Посмотреть на них удавалось только издали, когда они грелись в лучах полуденного солнца у насыпей у входа в норы. Время от времени нам удавалось поймать и измерить какого-нибудь вомбата, но в основном мы исследовали их среду обитания, наносили на карту норы и подсчитывали высохшие

экскременты, чтобы оценить численность этих животных. Зато мы каждый день видели кенгуру, и они не переставали удивлять меня. Любое создание, растение или животное открывало мне новый мир, будь то паук размером с кулак, частенько забравшийся ночью в мою палатку, или искривленные акации, которые умудрялись выживать на этой иссушенной красной земле. По вечерам мы готовили еду, и от костра шел запах эвкалипта. Мы спали в палатках под низкорослыми деревьями буша. По утрам любовались рассветами и стаями серо-розовых попугаев. Во всем этом был привкус мечты, которую я лелеяла в детстве: жить в дикой природе, открывая тайны животных.

Я работала так много и усердно, что в конце двухнедельного пребывания, когда мне уже нужно было возвращаться в Соединенные Штаты, доктор Паркер сделала мне предложение. Она не могла нанять меня в качестве научного сотрудника. И не могла оплатить мне билет до Австралии из Соединенных Штатов. Но, если я захотела бы провести независимое исследование любого из животных, живущих в заповеднике Брукфилда, она могла бы позволить мне остаться в ее лагере и делила бы со мной еду.

Итак, я отправилась домой — только для того, чтобы уволиться с работы и перебраться в палатку в австралийском буше.

Между моей детской мечтой жить в диком лесу и переездом в австралийский буш было одно, но важное отличие. В моих детских фантазиях рядом со мной был наставник,

который указывал мне путь. Но, конечно, Молли давно не стало. Она мирно умерла во сне, в своей кровати с алым пологом, еще когда я училась в школе. Кто теперь поведет меня, обычного человека, одинокого, ничего не знающего и не умеющего, в таинственную страну животных?

Я понятия не имела, что могу изучать. Поэтому начала с того, что помогала в работе другим, например собирала растения для аспиранта. Именно за этим занятием я и увидела эму впервые. Обычно одновременно в лагере находилось всего шесть исследователей. Иногда я помогала другой женщине искать следы завезенных в Австралию лис. Однажды я и еще несколько человек убрали остатки ограды из колючей проволоки, сохранившейся с тех времен, когда на территории заповедника было фермерское хозяйство. Мы собирали столбики от ограды, чтобы пометить ими подземные лабиринты вомбатов для исследования доктора Паркер, когда три эму появились снова.

Они подошли бесшумно и оказались метрах в 500 от нас. Видимо, их интересовал похожий на птичье гнездо комок омелы, растущей на эвкалипте. И снова меня будто пронзило током. Внимание!

Мы приближались к ним с камерами и биноклями, прячась за кусты и совершая перебежки, когда нам казалось, что они нас не видят. Но эму видят все и всегда: у птиц зрение в 40 раз острее человеческого. Мы были уже меньше чем в сотне метров от них, когда один из них выпрямился во весь рост, вытянул черную шею и направился прямо в нашу сторону. Пройдя метров двадцать, смелая птица повернула прочь и побежала. Я заметила, что она подняла хвост и извергла изрядное количество

помета. После этого трое эму, не обращая на нас внимания, скрылись за склоном холма.

Я нашла помёт и увидела, что в нём полным-полно зелёных семян. Омела! Теперь я знала, что буду изучать. Какова роль эму в распространении семян? Какими растениями они питаются? Помогает ли их помёт семенам прорасти?

Теперь я целыми днями прочесывала буш в поисках помёта эму. Для меня он был так же ценен и потенциально информативен, как топливные канистры, выброшенные с космического корабля пришельцев. Я собирала его, приносила в пакетах в лагерь и пыталась определить, что за семена в нём попадают. Затем помещала половину семян обратно в экскременты, а другую половину на влажное бумажное полотенце и наблюдала, какие прорастут быстрее.

На закате одного особенно солнечного дня я присела отдохнуть на упавшее бревно. Глядя, как мясные муравьи ползают по моим ботинкам, я чувствовала себя счастливой и свободной. Теперь у моих хождений была научная цель. Подняв глаза от муравьёв, я снова увидела пасущихся эму и нырнула за куст, надеясь, что смогу понаблюдать за ними подольше незамеченная, но они уже увидели меня. Один направился прямо ко мне, приблизился метров на 20, пробежался передо мной и остановился. Двое других подошли и сделали то же самое, после чего все трое замерли в ожидании.

Что это было? Вызов? Приглашение? Проверка? Они, должно быть, гадали: опасна ли она? Погонится ли за нами? И если да, то как быстро она бежит?

Я поняла, что прятаться бесполезно. Мне сразу вспомнилась Джейн Гудолл: она изучала шимпанзе, и в детстве я зачитывалась в журнале *National Geographic* статьями о её

исследованиях. Так вот Джейн никогда не пыталась наблюдать за животными, прячась от них. Напротив, смиренно и открыто она предлагала им свое присутствие, пока шимпанзе не привыкали к ней и не начинали чувствовать себя рядом с ней свободно.

С тех пор я стала каждый день одеваться одинаково: старая отцовская армейская куртка, синие джинсы, на голове — красная косынка. Я хотела, чтобы птицы привыкли ко мне и знали: это всего лишь я, и не представляю опасности. И рассчитывала, что они будут замечать меня задолго до того, как я увижу их.

После этого дня я стала встречать их чаще. Вскоре я уже виделась с ними почти ежедневно. А через несколько недель смогла приближаться к ним на расстояние в четыре-пять метров — так близко, что мне удавалось разглядеть их глаза с коричневато-красными радужками и черными дырочками зрачков, стержни их перьев и прожилки на листьях растений, которые они ели.

Я уже легко отличала их друг от друга. У одного была рана на правой ноге. Я назвала его Порченная Нога. (Это было австралийское выражение, как потом выяснилось, несколько грубоватое, которое я подхватила у служителя зоопарка.) Возможно, из-за этой раны он чаще остальных садился на землю. Черная Голова был, казалось, самым бойким в стае и, как правило, брал на себя инициативу. Несомненно, именно он подошел к нам во время моей второй встречи с эму. У Голошеего на глотке, там, где черные перья становились реже, светлело пятно. Он был самым пугливым. При сильном порыве ветра или приближении машины Голошейей первым обращался в бегство.